

Какова же та объективная историческая реальность, в которой во всем своем многоцветии, разноголосии и полнокровии одновременно осуществлены эти два движения в развитии алхимии, разделенные в конкретном исследовании? Эта реальность — человек европейского средневековья, помнящий о своем античном прошлом, но и грезящий о своем ренессансном будущем. От человеческой деятельности — к деятельному человеку⁴².

Очевидность с первого взгляда такова, что творческая личность в силу своей уникальности выходит за пределы и стили мышления, и «среднего человека»⁴³ изучаемой культуры. Тогда-то и возникают два типа aberrаций исторического зрения: либо акцент на выход творческой личности за мыслительный горизонт своего времени, либо, напротив, отказ герою исторического повествования в какой бы то ни было значимости (особенно с ретроспективных позиций последующих времен). Но едва ли это нужно доказывать — и то и другое равно внеисторично.

Между тем, в отличие от «среднеарифметического» человека, творческая личность как бытийная реальность видится средоточием динамического равновесия контрнаправленных движений в самом мышлении: стать иным, преодолев самого себя; остаться прежним, выразив в творческой личности наисущественнейшие свои потенции, скрытые в «среднем человеке», но предельно явленные в динамической модели творческой личности. Тогда творческая личность данной культуры предстает как начало и конец этой культуры, как ее рождение и вырождение. Иначе говоря, творческая личность в относительно замкнутой зрелой культуре может быть осмыслена в единстве крайних, критических ее состояний. Но именно в этих формообразующих (фор-

⁴² Уникальный характер каждого жизнеописания, хотя бы по причине уникальности его предмета, очевиден. Между тем тот, чья жизнь описывается, — человек своего времени, своей культуры, сросшийся с ней, неотделимый от нее. Но именно события интеллектуальной жизни культуры, в которой живет творец, по большей части остаются оторванными от собственно жизнеописания; предстают в виде неорганичного дописка, мало что значащего фона, инородным образом лишь соприкасаясь с реальной биографией самой личности. Фермент типического, инвариантного — словом, всего того, что определяет культуру эпохи, — бесследно покидает такие индивидуализированные построения. Но вместе с типическим исчезает и... личностно-неповторимое, обращаясь в беллетризованный антиквариат. Историческому воссозданию творческой личности, принадлежащей данной культуре, должна предшествовать в некотором смысле априорная реконструкция идеализированной модели творческой личности этой культуры. Созданная концептуальными усилиями исследователя, модель субъекта творческой деятельности схватывает в концентрированном и неповторимом виде специфику культуры, свидетельствуя собственной целостностью о типическом и индивидуальном в их слитности, в их исторической определенности, каждый раз воплощаясь в отдельных персонажах мистерии познания. Такая реконструкция — теоретическое основание научного жизнеописания. Но именно реконструкция, а не среднеарифметическое сколь угодно большого числа реальных представителей интеллектуальной элиты культурно-исторической эпохи.

⁴³ «Средний человек» — термин, введенный Л. П. Карсавиным (1915, с. 11—12) для характеристики обобщенного, «среднего» уровня культуры.